

Посвящается моим родителям
Мингкенг Ю и Мейсян Лю

Иллюстрации

- 1.1. Чанъань — столица династии Западная Хань.
- 1.2. Императорский указ пятого года правления Юанькан, найденный в озере Гашун-Нур.
- 5.1. Срединное царство в конце периода Сражающихся царств.
- 5.2. Восставшие царства и их военные вторжения в 154 году до нашей эры.

Таблицы

- 2.1. Ключевые рассуждения о природных аномалиях.
- 3.1. Основные суждения о внутреннем дворе.
- 4.1. Основные судебные дискуссии в эпоху Западной Хань.
- 5.1. Основные рассуждения о целостности Хань.
- 6.1. Истории, поэзия и рапсодии.

Династии раннего Китая

Королевские

Ся: 2070–1600 годы до нашей эры

Шан: 1600–1046 годы до нашей эры

Чжоу: 1046–256 годы до нашей эры

Западная Чжоу: 1046–771 годы до нашей эры

Восточная Чжоу: 770–256 годы до нашей эры

Весенне-осенний период: 771–476 годы до нашей эры

Период Сражающихся царств: 475–221 годы до нашей эры

Императорские

Цинь: 221–207 годы до нашей эры

Хань: 202 год до нашей эры — 220 год нашей эры

Западная Хань: 202 год до нашей эры — 9 год нашей эры

Синь: 9–23 годы нашей эры

Восточная Хань: 25–220 годы нашей эры

Предисловие

Изучение незападной риторики — это прежде всего процесс отучения. Отучение начинается с признания того факта, что ученые «проживают» наследие европейского колониализма, включая расизм, капитализм, структурализм, одноязычность, линейную временность и академическую дисциплинарность. Для ученых разной этнической принадлежности это также процесс примирения с их культурной принадлежностью.

Я узнал о китайской риторике благодаря изучению западных исследований. Как и многие другие, я познакомился с областями риторики и исследований письма через знакомство с рисунками Роберта Б. Каплана. Я наткнулся на них, проводя исследования для магистерской диссертации в Китае. Каплан описал предпочтительные образы мышления в англо-американских пояснительных комментариях как линейные, в то время как в других традициях — как круглые или зигзагообразные. Эти рисунки не только помогли мне понять ожидания носителя английского языка, но также дали первоначальное представление о китайской риторике. Во время обучения в докторантуре в Пердью я прочитал книгу Джорджа Кеннеди «Сравнительная риторика» и был заинтригован его «Общей теорией риторики, которая применима ко всем обществам» [Kennedy 1998: 1]. Через греко-римские термины, которые Кеннеди назвал «единственной полностью разработанной системой терминологии риторики» [Ibid.: 5], я узнал о классической китайской риторике. Теперь я понимаю, что рисунки Каплана и «Общая теория риторики» Кеннеди были продуктами современной западной эпистемологии, которая соотносилась с европейским колониализмом; эти риторические

схемы расово окрашивали незападные народы и их риторические традиции.

Знакомство с этими риторическими схемами, созданными европейцами, вдохновило меня изучать китайскую риторику по ее собственным законам. Ранее я изучал историю английской композиции в Китае и предположил, что в своем стремлении к деколонизации китайцы взаимодействовали для адаптации западные конвенции, чтобы выразить собственный голос. Я также изучал, как использовали английский в Китае, Японии и Соединенных Штатах, и предположил, что мы понимаем его как космополитическую (а не англо-американскую) и транслитеративную (а не одноязычную) практику и обучаем грамотности в английском именно с этой точки зрения. Изучая традиции древней китайской риторики в этой книге, я занял деколониальную позицию и размышлял над тем, что означает изучение западной традиции на ее собственных условиях.

Это решение открыло ящик Пандоры. С одной стороны, оно порождает методологические вопросы о том, какие аспекты древней китайской риторики стоит изучать с точки зрения колониальной и антирасистской позиции. Могу ли я быть критическим по отношению к традиции, с которой я глубоко идентифицируюсь? Что именно подразумевает это критическое положение в плане аналитических методов? С другой стороны, это решение поднимает политические вопросы. Я работаю в учреждении в Пенсильвании, где трудятся в основном европейцы, на землях предков племен эри, ирокезов, ленапе, шауни, саскуеханнок и важаже. Английские и азиатские исследования в двух областях, в которых я работаю, исторически были замкнуты на поселенческом колониальном государстве и были причастны к мировому империализму США. Как моя работа может избежать империализма, присущего областным исследованиям? Как моя работа будет превосходить факт внесения новых данных в западную систему знаний? Принимая во внимание деколониальный подход, может ли моя работа быть по-настоящему деколониальной (например, способствовать возвращению земель коренным жителям), а не быть примером движения новых поселенцев к непри-

частности в этом вопросе? Я боролся с этим, пока писал эту книгу.

Эта книга стала результатом моих усилий в освоении и «неосвоении» знаний о китайской риторике в последние два десятилетия. Подобно западной традиции, китайская традиция богата и сложна; она складывалась на протяжении долгой истории геополитического контроля и завоеваний. Для того чтобы понять эту традицию, я беседовал со многими учеными. Во время учебы в аспирантуре я в основном был обязан знаниями Джэнис Лауэр, которая познакомила меня с классической западной риторикой, что подстегнуло мое любопытство по отношению к ее китайскому аналогу. Со временем мотивирующие беседы с Энди Киркпатриком, Дуайтом Аткинсоном, Уллой Коннор, Робертом Касерио, Лу Минг Мао, Китом Джиллардом, Джаном Свирингеном, Хуи Ву, Арабеллой Лайон, Хуилинг Дином и Хуатонгом Суном еще больше воодушевили меня на изучение классической китайской риторики, традиции, часто неверно представленной на Западе. Во время работы над этой книгой я получил обратную связь от Стива Фрайберга, Дамиана Бача, Ричарда Эноса, Чжаозе Ванг, Эрики Бриндли, Джека Селзера и двух анонимных рецензентов. Студенты, посещавшие мой послевузовский семинар «Риторика и мобильность» весной 2021 года, также прокомментировали рукопись. Я много узнал о деколонизации от преподающего магистерский семинар «Деколонизация риторики и композиции» Суреша Канагараджи осенью 2021 года. Я благодарен моим исследовательским помощникам Су Йонг Ли и Ребекке Коринн Хэддауэй, которые не только редактировали рукопись, но и комментировали мои идеи.

Я также благодарен сотрудникам издательства Southern Illinois University Press за их профессионализм. Редактор по сбору данных Кристин Придди значительно улучшила процесс рецензирования. Менеджер по электронно-цифровой публикации Линда Йоргенсен Бухман и менеджеры проектов Хара Луканчик и Лиза Сталлингс, а также редактор Анн Буавер помогли улучшить книгу тем или иным способом.

Я хочу поблагодарить свою семью за их неизменную поддержку. Я благодарен моим родителям, Мингкенг Ю и Мейсян Лю, за

то, что они пробудили мой интерес к китайской литературной и риторической традиции еще в раннем возрасте, познакомив меня с четырьмя классическими романами. Мой отец выполнил китайскую каллиграфию для иллюстрации обложки. Я также благодарен своей жене Сяо-Хуэй Янг и детям Джою Тяньхуань и Феликсу Тианлэ за их понимание и поощрение моей работы. Обладая твердым знанием китайского классического языка, Сяо-Хуэй помогла мне понять особенности отдельных древних текстов.

Проект книги был реализован в течение академического отпуска, щедро предоставленного Колледжем свободных искусств Государственного университета Пенсильвании.

Ранние версии частей рукописи были опубликованы в книге «Древние негреческие риторики» под редакцией Кэрол Липсон и Роберты Бинкли («Чтение Небесного мандата: риторика пути (Дао) Дун Чжуншу», 153–75, авторское право © 2009 года Parlor Press, адаптировано по разрешению) и в журнале *College English* («Строительство империи через аргументацию: дебаты о соли и железе в Западной династии Хань», 72 (4): 367–84, авторское право © 2010 года NCTE, адаптировано по разрешению).

Введение

Новая демократическая революция — это не очередная революция, но она может и должна стать революцией против империализма, феодализма и бюрократического капитализма, проводимой широкими массами народа под руководством пролетариата.

Мао Цзэдун (1961)

В этой книге рассматривается деколониальный вариант в исследованиях незападных риторик. Данный вариант стремится раскрыть то, как колониальная и имперская матрицы власти действовали в прошлом и продолжают действовать в ряде взаимосвязанных структурных режимов; кроме того, деколониальный вариант стремится освободить людей от иллюзий современности и ловушки колониальности путем создания фундамента, основанного на местных знаниях и практиках смыслообразования [García and Baca 2019; Mignolo 2011; Ruiz and Sánchez 2016]. Несмотря на то что эти цели были наиболее явно сформулированы индейскими и латиноамериканскими интеллектуалами и активистами [Mignolo and Walsh 2018; Tuck and Yang 2012], они находят отклик и у риториков-компаративистов, занимающихся изучением незападной риторики. Согласно деколониальной науке, компаративисты утверждают, что незападную риторику нужно изучать, опираясь на ее собственную терминологию, а не на термины греко-римской традиции, и с опаской относятся к любым попыткам построить универсальную теорию риторики. Также они предупреждают, что эмпирические исследования незападной риторики неадекватны. Скорее, риторические практи-

ки должны изучаться в диалоге с другими традициями и текущими социополитическими вопросами, которые служат надежными ориентирами [Hum and Lyon 2008; Мао 2013], двигаясь к тому, что Уолтер Миньоло [Mignolo 2011] называет «пограничной эпистемологией»¹.

Пути к познанию пограничной эпистемологии несут в себе как вызовы, так и обещания. Некоторые из вызовов уже были обозначены во вступительном абзаце этого введения². Использование терминов «Запад» и «не-Запад» чревато усилением колониальных стереотипов, таких как «цивилизованный» Запад против «варварского» остального мира, и повторным утверждением доминирования западной риторической традиции. Использование термина «риторика» легко вызывает в памяти ораторское искусство и гражданское воспитание в Древней Греции и Риме. Использование английского языка, одного из евро-американских имперских языков, в написании научных работ усугубило трудности процесса деколонизации. Тем не менее пограничная эпистемология дарит надежду, включая гуманизацию не-западных народов, на сосредоточение на «других» онтологиях и эпистемологиях и в итоге на построение всеобъемлющего основания для создания новых смыслов, чувств и образа жизни.

Однако в попытках развенчать западную эпистемологию существует тенденция внедрять незападные концепции и практики в исследования риторики, не обращая внимания на гнетущие социальные структуры, из которых эти концепции и практики возникли. В этой книге утверждается, что при изучении западной риторики деколониальный вариант должен включать в себя изложение и критику имперской, колониальной, этнической, расовой, а иногда и феодальной системы власти, существующей

¹ Миньоло рассматривает пограничную эпистемологию как возникающую «из внешнего современного/колониального мира, из того, что зажато между имперскими языками, а также языками и категориями мысли, которые отвергаются и изгоняются из рамок имперских знаний» [Mignolo 2011: 20].

² О вопросах вызовов в риторических исследованиях, связанных с деколонизацией, см. подробнее у [Васа 2008; Васа 2010].

в этой традиции³. Этот шаг может принести пользу для сравнительной риторики несколькими способами. Во-первых, он напоминает нам, что люди в контексте незападной риторики страдали и продолжают страдать от несправедливости, вызванной не только колониализмом, империализмом и капитализмом, но и феодальной, гендерной, этнической, расовой и языковой иерархией местного происхождения. Как сказано в эпитафье, например, Мао Цзэдун в 1948 году указал на переплетение внутренних и внешних форм угнетения в ходе борьбы Китая за деколонизацию [Мао 1961: 235]. Во-вторых, этот шаг позволяет выявить проблематичность двойственного мышления, часто встречающегося в сравнительной риторике, например рассмотрение не-Запада как внешнего элемента по отношению к Западу. Тем самым он помогает нам осознать сопротивление и оппозиционность как «риторические ловушки колониальности и современности/рациональности» [García and Cortez 2020: 103]. В-третьих, этот шаг призывает ученых дальше исследовать то, как риторика позволяет Западу поддерживать имперскую систему власти от прошлого (греческие и римские империи) до настоящего (страны Североатлантического альянса).

Чтобы сделать шаг к деколонизации, в этой книге мы рассмотрим риторику раннеимперского Китая, — периода, оставшегося незамеченным из-за предубеждений Запада, — и сделаем мы это при помощи китайских теорий жанра. В частности, книга посвящена тому, как имперская структура власти была создана с помощью того, что древние китайцы называли «*вэнь-ти цзин-вэй*», или жанровых сетей. Благодаря либерально-демократиче-

³ Мое предложение перекликается с работами Бача и Кортеса. [Баса 2008] подверг критике множественные патриархальные и гетеронормативные отношения в сознании метисов. [Cortez 2016] утверждает, что риторам из числа меньшинств необходимо принять критическое отношение к своей традиции. Признавая гегемонистскую логику в своих попытках представить незападную риторику отличной от греко-римской, он предполагает, что «историографические нарушения гегемонистских порядков толкования смыслов и письма теперь могут потребовать от человека ниспровержения своих собственных культурных пристрастий» [Ibid.: 59].

ской идеологии риторические исследования уделяли много внимания риторическим теориям и практикам в доимперском Китае, особенно в период Сражающихся царств (475–221 годы до нашей эры), когда сотни идейных школ боролись за политическую власть. В данной книге доказывается важность перехода от этого периода к имперской эпохе, поскольку она позволяет наиболее четко понять риторику и другие способы управления государством, такие как автократия. Хотя в западных странах сетевые подходы к изучению жанров применялись для исследования научной и организационной коммуникации [Bazerman 1999; Spinuzzi 2003; Spinuzzi 2008], данная книга продемонстрирует, что древние китайцы разработали подобные подходы для понимания текстуральных связей, имперского управления и создания истории.

Главным элементом регулирования деятельности имперского правительства жанровыми сетями был ряд текстов и кодов. Придворные историки подчеркивают важность технологии письма. После того как первый император Китая Цинь Шихуанди объединил Поднебесную в 221 году до нашей эры, как пишет историк Сыма Цянь, он ужесточил контроль над своими подданными, регламентировав использование ими письменности. Для этого он использовал несколько основных способов: ввел письменность со стандартной орфографией (каллиграфию печати), заживо хоронил литераторов и сжигал книги «Ста школ мысли». Помимо этих насильственных мер, он усилил имперскую коммуникацию, введя единый Законодательный кодекс и бюрократическую процедуру, стандартизовав систему весов и мер, систематизировав оси колес и ширину государственных дорог, и формализовав бюрократические жанры. В качестве «нервной системы» кодексы, процедуры, дороги и жанры связывали центральное правительство и его отдаленные комитеты. Хотя династия Цинь (221–207 годы до нашей эры) просуществовала недолго, всего 15 лет, она заложила основу для своего преемника, династии Хань (202 год до нашей эры — 220 год нашей эры), для разработки сложной семиотической системы для управления этническим разнообразием и геополитическими сложностями.

Регулирование использования письменности было важнейшим политическим приемом для управления большим и разнообразным населением на огромной территории. Эта политика свидетельствует о том, что государство не только осознавало полезность письменности в своем бюрократическом управлении, но и глубоко опасалось пагубного влияния некоторых дискурсов. Правительство — это одновременно и деятельность, и искусство, направленное на формирование, руководство или влияние на поведение какого-либо лица или лиц. Чтобы быть придуманными, смысл и цель правительственных актов должны быть продуманы. Чтобы управлять, правящий класс династий Цин и Хань обсуждали то, что подразумевало правительство, а также лучшие стратегии для достижения, проявляя имперскую логику. Хотя Лидия Х. Лю считает, что переход к повсеместному использованию китайской письменности — это технология «пространственной рациональности и политического контроля» в империи [Liu Lydia 2015: 377], я бы сказал, что жанровая деятельность придавала риторическую форму и содержание императорскому правительству. Чтобы получить некоторое представление о том, из чего состояло правительство и как оно существовало в рамках этих династий, мы должны рассмотреть, как жанры опосредовали правительство и помогали материализовать его рациональность.

Жанры — это динамичные ритуальные и риторические формы в Древнем Китае. Разработанные в ответ на повторяющиеся ситуации, они развиваются с течением времени в соответствии с потребностями пользователей жанра. Используя институциональные жанры, бюрократы формируют социальные структуры и воспроизводят их, опираясь на жанровые правила. Когда в III веке до нашей эры Срединное царство перешло от города-государства к территориальному государству, государство сознательно сформулировало жанровые правила, особенно для бюрократических жанров. Кроме того, оно архивировало, классифицировало и регулировало форму жанров как технологию политического контроля и участия. Таким образом, жанровые сети были одновременно и политическим институтом, и эпистемической конструкцией. Как жанры функционировали в качестве

инструмента для создания и воспроизводства имперской матрицы власти? Какие возможности создавали жанровые сети для политического участия? Каким образом они выступали посредниками в принятии политических решений, влиявших на дальние регионы империи? Как придворные историки изображали и теоретизировали жанровые сети как политический институт?

Хотя ранее в исследованиях, посвященных правлению в раннем Китае, анализировались способы, средства и материальность политической риторики, лишь немногие из них рассматривали жанровые сети как форму правления или эпистемическую конструкцию. Жанровые сети — это системы слов в движении, в которых правитель и ученые-чиновники могли решать социально-политические проблемы, используя свои излюбленные онтологические, эпистемологические и дискурсивные формы. Жанровые сети опосредовали правительственные решения и действия, придавая форму правительственным закономерностям, логике и стратегиям. Жанровая деятельность использовала политическую, экономическую и военную силу и генерировала новую политическую силу через людей, тексты, транспортные системы и другие материальные объекты. В этой книге рассматриваются ключевые жанровые сети, имеющие основополагающее значение для функционирования имперской матрицы власти. В ней утверждается, что жанровые сети, мобилизованные в ходе политических дискуссий и поддерживаемые экзегезой классики, являются центральным средством для понимания эпистемологии, риторики и государственного управления в раннем Китае.

Изучение жанровых сетей как политического института и эпистемической конструкции представляет собой деколониальный шаг в сравнительной риторике. В дополнение к представлению риторической и эпистемологической системы Глобального Юга данная книга критикует риторические исследования как исторически соучаствующие в отношениях господства и того, что в центре внимания оказалась греко-римская традиция. Под влиянием этой традиции логоцентризм функционирует как наиболее заметная сравнительная перспектива, которая рассматривает слова как репрезентацию внешнего мира и считает ло-

гический дискурс эпистемологически превосходным. Под влиянием логоцентризма древнекитайская риторика изучалась в основном как когнитивная способность, поэтому такие термины, как *сюци* (修辭), *мин* (名) и *бянь* (辨), называют «риторикой». Кроме того, китайская риторика иногда экзотизируется как расовое различие⁴. Сосредоточившись на жанровых сетях, эта книга привлекает внимание к забытой части китайской традиции. Эта часть рассматривает дискурс как живую, телесную и ритуальную практику⁵. Он создает смысл, взаимодействуя с человеческими и нечеловеческими субъектами в пространстве и времени. Следуя недавнему сдвигу в сторону изучения рукописной культуры в китаеведении [Kern 2005; Lai and Wang 2017; Meyer 2012]⁶, который отходит от логоцентризма, эта книга призывает к сетевому подходу к изучению древнекитайского дискурса.

Изучение жанровых сетей империи требует как деколониальной, так и транснациональной перспективы. Деколониальная перспектива означает обращение к древнекитайским теориям жанра и изучение роли риторики в создании имперской матрицы власти. Транснациональная перспектива означает разработку гибридной структуры для изучения жанра путем слияния древнекитайских и современных западных теорий жанра, прослеживания текстов через жанровые события, а иногда и геополитические границы, и выявления национальных, расовых и языковых иерархий, изобретенных и укрепленных древнекитайским и ев-

⁴ См. [Liu Yameng 1996; You 2014], в том числе критику расового различия, созданного учеными в области риторики и литературы на Западе.

⁵ См. [Geaney 2018] и [Xiao 2007] (дискуссии о том, как древние китайцы рассматривали «язык как телесную практику»), [You 2006] («Путь») — о роли языка в мультимодальности ритуальной практики — и Боляца — о перформативной роли текстов в церемониальной практике, религиозных обрядах и обрядах поклонения предкам.

⁶ Среди многих вопросов, рассмотренных в рамках перехода к рукописной культуре в раннем Китае, [Lai and Wang 2017] говорят о следующем: как были созданы эти тексты, как они использовались и передавались? Каковы были материальные формы текстов? Как эти меняющиеся форматы влияют на чтение и понимание текстов? [Ibid.: 169]. См. также [Kern 2005: ix] по вопросам, связанным с текстами и ритуальной практикой.

ропейским империализмом. Если говорить о введении, вначале я предложу деколониальную критику исследований, посвященных древнекитайской риторике. Под влиянием западных ценностей бóльшая часть исследований посвящена доимперской эпохе и сосредоточена на риторическом и философском мышлении различных интеллектуальных школ, а также ораторском мастерстве убеждения. Я предполагаю, что политические диспуты продолжались и в раннеимперском Китае и были расширены и усложнены жанровыми сетями. Далее я прослеживаю краткую генеалогию жанровых исследований в Древнем Китае, чтобы выявить две местные сетевые теории жанров. Наконец, я ввожу эти теории и современные западные теории в диалог друг с другом, чтобы разработать транснациональные рамки для исследования. Введение завершается обзором глав.

Деколониальная критика исследований древнекитайской риторики

Исследования незападной риторики были глубоко сформированы западными взглядами и ценностями [Hum and Lyon 2008; Ruiz and Sánchez 2016; Baca and García 2019]. Как часть либерально-демократического порядка, созданного североатлантическими странами после Второй мировой войны, область риторических исследований сосредоточилась на греко-римской традиции, считая ее краеугольным камнем западной цивилизации. В рамках этой традиции особое внимание уделяется теории риторики Аристотеля, поскольку она фокусируется на том, как человек может получить политическую власть в условиях демократии. Благодаря доминированию его теории в этой области не только игнорируется темная сторона греко-римской цивилизации, но и колониальная и имперская природа современных западных государств. Пагубное влияние этих дисциплинарных тенденций на изучение древней незападной риторики проявляется в прева-лировании письменных текстов над другими способами репре-зентации, теории над практикой, аристотелевских концепций над другими риторическими системами, убеждения над другими

способами дискурса, а демократии — над другими формами правления.

В ранних исследованиях древнекитайской риторики ученые изучали, как китайцы понимали использование языка и практиковали убеждение, используя западные логоцентрические конструкции. Например, в одном из ранних исследований, «Введение в китайскую риторику» [Chen Wangdo 1932], Чэнь Вань Дао под влиянием американских учебников по риторике принял узкое определение риторики, считая, что она в основном занимается организацией и стилем письменного дискурса⁷. В эпоху холодной войны Роберт Т. Оливер опубликовал книгу «Коммуникация и культура в Древней Индии и Китае» [Oliver 1971], в которой он рассмотрел ключевые тексты, связанные с конфуцианской, моистской, законнической и даосской школами в период Сражающихся царств. Прибегая к аристотелевским категориям этоса, пафоса и логоса, он анализировал как политико-философское мышление, так и риторические приемы, которые ключевые фигуры этих школ отстаивали или демонстрировали в своих речах⁸.

Наряду с западными логоцентрическими конструкциями, западные ученые часто фетишизировали или экзотизировали не-Запад. Западные взгляды и ценности, особенно те, что ассоциируются с либеральной демократией⁹, подпитывают увлечение

⁷ См. дискуссию о том, как американская риторика повлияла на китайские риторические исследования 1920-х годов, в [You 2010b: 49–50, 52; Wu 2009].

⁸ Чжэн Цзию, Чжоу Чжэньфу и их коллеги опубликовали несколько исследований по китайской риторике 1980-х и 1990-х годов. Как и Оливер, они исследовали конфуцианство, даосские и законнические взгляды на использование языка с упором на китайские концепции. Чжэн опубликовал свою работу в 1984 году, Чжоу — в 1991-м; Чжэн — в 1998-м. Как и [Wu 2009] («Потерянное и найденное») и [You 2005; 2010b] («Слияние...», «Пишущие на языке дьявола»), они отметили, что большинство исследователей китайской риторики на материке приняли узкое ее определение, полагая, что она в основном касается организации и стиля письменной речи.

⁹ Либеральный интернационализм был введен президентом США Вудро Вильсоном после Первой мировой войны как способ положить конец непрекращающимся войнам между европейскими государствами. Отражая англосаксонское гегельянство, эта идеология утверждает, что сочетание свободных

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru